

УДК 141.2

ПОНИМАНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ И РАННЕЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Руди А.Ш.

Омский государственный университет путей сообщения, Омск, Россия (644046, пр. К. Маркса, 35), e-mail: amina_rudi@mail.ru

---

Проблема устойчивости и разнообразия ее форм в современной научной картине мира обуславливает интерес к древним космологиям. В мифологической и ранней философской мысли выявлены представления о процессах мироупорядочения, времени, развития, каузальности, целостности, формы, закономерности, гармоничности, хаотичности, связи устойчивости и изменчивости. Обращение к древнейшим понятиям хаоса и космоса позволило установить, что хаос расценивался в космогониях не как исключительное зло и разрушение, но и как источник созидания, начало жизни, бытия. Характер осмысления устойчивости соответствует характеру понимания человеком мира и ориентации в этом мире. Категория устойчивости может расцениваться как связующая нить различных исторических форм объяснения мира. Делается вывод о том, что метафоричность языка современной науки, представление о диалектике устойчивого и изменчивого, понимание в постнеклассической картине мира изменчивого как нормы, а не аномалии восходят к древнейшим формам миропонимания.

Ключевые слова: устойчивость, изменчивость, космогонии, движение.

UNDERSTANDING OF STABILITY IN MYTHOLOGICAL AND EARLY PHILOSOPHICAL THOUGHT

Rudi A.S.

Omsk State Transport University, Omsk, Russia (644046, Karl Marx Avenue, 35), e-mail: amina_rudi@mail.ru

---

The problem of stability and diversity of forms in the modern scientific worldview determines interest in ancient cosmology. In early mythological and philosophical thought concepts of the processes identified mirouporiyadocheniya, time, development, causality, integrity, shape, pattern, harmony, chaotic, communication stability and variability. Appeal to the ancient concept of chaos and cosmos revealed that chaos is seen to Cosmogonies not as exceptional evil and destruction, but also as a source of creation, the beginning of life, of being. Understanding the nature of stability consistent with the nature of peace and human understanding orientation in this world. Category of resistance can be regarded as a connecting thread of various historical forms of explaining the world. Concludes that the metaphorical language of modern science, the notion of dialectic of stability and variability, understanding postnonclassical picture of the world as changeable rules, and not anomalies date back to ancient forms of outlook.

Keywords: stability, variability, cosmogony, the movement.

Эволюция научного познания приводила к формированию различных представлений о движении и устойчивости: в рамках механистической, термодинамической, эволюционной, синергетической моделей миропонимания. Исследование любой научной и философской проблематики предполагает постижение имеющегося задела знаний соответствующих вопросов в истории человеческой мысли. Трактаты древневосточных и античных мыслителей содержат в себе ценнейшие результаты наблюдений и размышлений о том, есть ли в изменчивом на поверку мире место незыблемым основаниям бытия, может ли текучесть окружающей реальности быть объяснена посредством понятий причины, источника, направления изменений. В связи с этими раздумьями на заре истории человечества формируются варианты понимания времени, развития, каузальности, целостности, формы, закономерности, упорядоченности, гармоничности и хаотичности.

Представления об устойчивости и неразрывно связанной с ней изменчивости ясно обнаруживают себя уже в ранних космогониях. Несмотря на неоднородность сохранившегося наследия различных древних культур, в соответствующей синкретической, метафорической форме зачастую обнаруживается общность понимания процессов мироупорядочивания. Для разъяснения этих идей, во многом утраченных в их первоначальном виде, современным исследователям приходится обращаться к более поздним источникам: доксографическим фрагментам ранних натурфилософов, пифагорейцев и некоторым платоновским диалогам (например, космологическому «Тимею») в европейской традиции, трактатам «Дао дэ цзин», «Чжуан-цзы» и сборникам «Упанишад» – в традиции восточной.

Наиболее ясно раскрывают космогоническое понимание устойчивости и изменчивости представления о хаосе и космосе. Хаос обозначает собой исходное состояние мира, предшествовавшее возникновению Космоса. Таящий в себе ужас Хаос враждебен богам и людям. Рождению Космоса способствует победа в длительной и жестокой борьбе сил, несущих известный доселе людям порядок (символически воплощенных, например, в фигурах вавилонского бога Мардука, еврейского бога Яхве, египетского бога Ра) над темными силами Хаоса (персонифицированных, соответственно, в чудовище праокеана Тиамат, чудовище Рахав, драконе Апопе).

Лоно всех вещей не исчезает окончательно, превращаясь в «остаточный Хаос» [16] – хтонический мрак, царство смерти (выписанное в древнегреческой греческой космологии образами Тартара, Аида, Стикса, Леты) – и неисчерпаемый источник энергии, питающий космос. Уже по факту своей сотворенности, имея начало своего существования, мир навсегда заключает в себе нестабильность, обнаруживая стремление к окончательному пределу своего бытия. Во избежание распада вселенский порядок должен поддерживаться, «пересотворяться» (М. Элиаде) двумя возможными способами: посредством ритуала, возвращающего к первичному хаосу, регламентировано актуализирующего деструктивную стихию, явленного в космогоничных по смыслу народных праздниках [1; 19]; посредством индивидуальной героической жертвы, хождения в Хаос для высвобождения наличествующих там созидательных начал (что метафорически описывается, например, в мифах об Адонисе и Персее).

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что априори пугающая человека, подчас необъяснимая и непредсказуемая изменчивость бытия, воплощенная древними мировоззренческими установками в понятии Хаоса, есть не абсолютное зло, не только локализация разрушительных сил, но и источник созидания. Все тенденции в бесформенном бурлящем Хаосе не расчленены и не знают покоя. Так, Великое Дао – начало всего в

древнекитайской мифологии и философии, возникающее в хаосе прежде неба и земли, «находящееся в бесконечном движении не достигает предела. Не достигая предела, оно возвращается [к своему истоку]» [6]. Оно содержит начала Ян и Инь, являющиеся в своем взаимодействии причиной изменений вещей. Дао ведет человека не только в умозерцании основ бытия, но и в практической жизнедеятельности, например, определяет политическое мастерство. Совершенномудрый правитель должен основываться на постоянстве и знании законов гармонии, что способствует самостоятельному исправлению народа, его обогащению в результате социальной самоорганизации. Соответственно, подготовка будущего политика подразумевала усвоение священных принципов организации мира. Надо отметить, что древневосточному мировоззрению свойственна принципиальная целостность мировосприятия. Здесь явственно прослеживаются ключевые идеи единства макрокосма и микрокосма, изменчивости мира, существования противоположностей друг в друге: живого и неживого, материального и идеального [9]. Мир – это не совокупность вещей, неделимая и бесконечно движущаяся реальность, движение которой обусловлено ее внутренними силами. Отсюда – не персонифицированное воплощение божественного, вне и над реальностью находящегося, а сакрализация самого принципа организации мира.

Понимание хаоса в качестве субстанционального первоначала мы встречаем у Гесиода в поэме «Теогония». При этом труды эолийского мыслителя задают две линии трактовки Хаоса в древнегреческой философии: Хаоса как пустого физического пространства, с одной стороны, и как живое и животворное, с другой стороны. Из хаоса возникают мрак и ночь, а из них – день и эфир [3]. Затем Хаос приобретает в античной философии статус принципа становления: он все развертывает [17, 62-63] и одновременно все поглощает [11, 681].

Еще один важный аспект разъяснения мирового порядка помимо его генезиса – вопрос о принципе организации или структуре устойчивого мироздания, рожденного из хаоса. Залогом устойчивости Космоса тут выступает его целостность, совершенство. Синкретизм космологического мышления, отождествляя понятия и образы, в различных культурах задает одни и те же модели Космоса в виде сферы и Мирового Яйца. Согласно греческой тео- и космогонии, сфера возникает в результате круговращения (тут не может не удивлять родство интуитивных домыслов древних греков с одной из самых распространенных теорий возникновения астрономических объектов, в частности, Земли). Здесь встречается множество перекликающихся указаний: у Ксенофана – на божество, имеющее шарообразную форму; у Демокрита – на бога, который «есть ум в шарообразном огне»; у Анаксимандра и пифагорейцев – на сферическую землю и Космос соответственно; у Гераклита – на вихри и круговращение в процессе рождения Космоса; у Эмпедокла – на

однородную сферу, пребывающую в покое, образованную в период согласия всеми смешанными совершенным образом элементами мироздания; у Платона – на сферовидность головы человека, воплощающей божественное. Геометрическое видение гармонии Космоса как сферы выступало аналогом музыкального символа – октавы – законченного, замкнутого на ноте «до» круга звучаний. На востоке символ окружности явлен в древнекитайском образе Великого Предела, обнаруживающем в себе симметрию светлого и темного. Образ сферы закрепился в человеческой культуре посредством храмовой архитектуры как формы земной организации сакрального миропорядка. Католические соборы и православные церкви, вавилонские зиккураты и египетские пирамиды имеют в основаниях так называемую квадратуру круга, символически сводящей воедино противоположности и преодолевающей беспорядок, фиксирующей устойчивый сакральный смысл в хаосе профанного: «святость Храма защищена от всякой земной порчи именно потому, что архитектурный план Храма есть творение богов» [19, 44].

Еще более распространен, пожалуй, символ Мирового Яйца: подобная модель мира описана как исток Вселенной в мифах месопотамских, египетских, полинезийских, индийских, китайских, греческих, славянских [11; 4; 15; 17, 62]. Символика яйца призвана обозначить идею универсального образования формы как возникновения космического предела в беспредельном Хаосе, структуры в первоначальной стихии. В этом возникновении усматривался не только спонтанность имманентного импульса к самоорганизации порядка, но и напряженность этого момента, связанная с созидающим и одновременно разрушающим Эросом [5; 18].

Хаос (с греч. – «зев», «зияние», «разверстое пространство») – не первовещество, а «утроба» этого вещества, потенциальноеместилище конкретных объектов, из которых будет составлен мировой порядок [7]. Здесь напрашиваются ассоциации с описанным Платоном в «Тимее» первопространством, оформляющимся под воздействием активной первоидеи. Анализ месопотамской и еврейской мифологии позволяет связать Хаос с понятием бездны как мировыми водами, праокеана. Символика воды подчеркивает свойство бесформенности Хаоса, с одной стороны, и способность образовывать формы – с другой. Таким образом, вода выступает посредником между устойчивостью и изменчивостью, жизнью и смертью. Как и упомянутые символы сферы, Мирового Яйца, символ воды крайне распространен в мировой культуре. Он воплощен в образах реки Леты и Харона, в ритуале крещения, рождающего духовного человека, в библейском сюжете вселенского потопа, в церемониях ритуального омовения, представленных практически у всех народов. Семиотическое значение вод раскрывается следующим образом: «воды символизируют вселенское стечение потенциальных возможностей, *fons et origo* (источник и

происхождение), предшествующее всем формам и всему творению. Погружение в воду означает возврат к преформальному состоянию, имеющий, с одной стороны, смысл смерти и уничтожения, а с другой – возрождения и восстановления, поскольку погружение укрепляет жизненную силу» [10].

В древних космологических сюжетах представлены законы упорядочения мира. Особый интерес в этом ключе представляет западная философская традиция, для которой характерно большее проявление рационального подхода к пониманию основ мироздания, внимание к принципам организации устойчивого миропорядка и логике выведения умозаключений о космосе – отсюда системность философских построений: «Диалектиком называли такого мудреца, который умел организовывать свое знание в связную систему и сделать для всех очевидной его логическую основу. Диалектика в этом смысле становилась важнейшим средством поисков и нахождения истины» [8]. Античная философия, вобравшая в себя натурфилософскую традицию древних космогоний, привнесла в понимание миропорядка рациональные соотношения. Обозначив мир понятием Космоса, включающим в себя смыслы гармонии, порядка, красоты, устроенного разумно, а, следовательно, разумом постигаемого, античные мыслители впервые формулируют проблему истинного, достоверного знания, закладывая основы научного мировоззрения. Порядок рождается, согласно древнегреческой космологии, с внесением предела в беспредельное: Космос образован из соединенных гармонией безграничных и ограничивающих элементов – этот принцип можно встретить еще у Филолая [17, 441].

Беспредельное, бесконечное не знает устойчивого порядка, исчислимых количественных соотношений и не подлежит умопостижению. Упорядочивающая определенность дифференцирует смешанные и слитые друг с другом элементы мироздания, проясняя их качества, выявляя противоположности и меру между ними, возрождая из них новую целостность: «при смешении этих [разновидностей] получают некие новые роды» [14]. Соблюдение меры в образовавшемся единстве обуславливает гармонию, которая, например, рождает в болезненном теле здоровье, а в музыкальных звуках (определяя предел размерности, ритма, тонов, лада) – прекрасную музыку. Результатом поиска гармоничного предела стала пропорция «золотого сечения» [13].

Установив, что «все есть число», что найденная мера всех вещей позволяет воспроизводить космический порядок, греки придают огромное значение математике, постижение которой позволяло овладевать и другими «науками» (к числу которых относились не только астрономия и грамматика, но и музыка и этика). Здесь нелишним будет упоминание хрестоматийного примера – надписи при входе в Платоновскую Академию: «Не геометр – да не войдет». А Прокл пишет в «Платоновской теологии» о математике как

способе постижения универсальной природной гармонии [17, 437]. Именно математика позволяет душе человека «отвращаться от хаотического и беспорядочного мира чувственного (становления) и приобщаться к миру вечного бытия, где царят порядок, гармония, симметрия» [2].

Как и на Востоке, в греческой традиции подвижность, изменчивость реальности объясняется имманентными факторами – самоорганизацией материи. Ф. Капра подчеркивает в этом вопросе слитность воедино, недифференцированность философии, религии и науки в древнегреческой культуре. Отсюда становятся возможными гилозоистические суждения милетцев, размышления Гераклита о вечном становлении изменяющегося мира, представления элеатов о Божественном принципе единства Вселенной. Так, у Гераклита зачастую обнаруживают отголоски зороастризма и индуизма в его учении о единстве и взаимопереходах друг в друга противоположных начал как причинах мирового движения, а также о циклическом развитии Вселенной, периодически уничтожающейся и возрождающейся [17, 218].

Изменчивость как свойство всего и вся в мироздании касается, прежде всего, четырех основных элементов, изменяющихся вверх и вниз по кругу: земля превращается в воду, вода – в воздух, воздух – в эфир и – то же – в обратном направлении [17, 204]. Обратим внимание, что все изменения в хаосе бытия происходят по траектории, образующей все ту же окружность. В пересказе Плутарха представлено видение Гераклитом циклов формирования мира: уничтожения всего огнем (экипироза) и возрождения космоса (диакосмеза) [17, 219]. Сам процесс изменений во вселенском круговороте не является устойчиво предсказуемым – это игра Вечности, которая определяется у Гераклита как «дитя, играющее, кости бросающие, то выигрывающее, то проигрывающее» [17, 180].

Созвучные с вышеизложенными космогоническими идеями мотивы обнаруживаются в учении Эмпедокла о структурных принципах организации мира, где силы, устанавливающие порядок в мироздании названы Любовью и Враждой.

Взгляды Гераклита на феномены устойчивости и изменчивости, на принципы мировой организации не только не утрачивают своей актуальности, но с развитием науки, в частности, естествознания, наращивает богатство интерпретаций. До Гераклита задачи философии и физики сводились к исследованию вещества, из которого сделан космос как единство сущего. Процессы, обращавшие доселе на себя исследовательское внимание, сводились либо к строительству мироздания и поддержания порядка в нем, либо к нарушению или укреплению равновесия в его структуре, которая в основе своей рассматривалась как статичная. Гераклит фактически опроверг существование какого-либо незыблемого сооружения, считая мир «не суммой всех вещей, а целостностью всех событий,

изменений или фактов» [14].

Поиск представлений об устойчивости и изменчивости у отца западной онтологии – Парменида – относит нас к четкому различению бытия (чистой позитивности) и небытия (чистой негативности). Бытие не порождается и не уничтожается. Оно неизменно и неподвижно, иначе пришлось бы предположить существование небытия, в которое только и могло бы измениться бытие. Отрицает изменчивость как свойство подлинного бытия в своих апориях и Зенон Элейский. Беспрецедентное доверие разуму позволяет заключить, что только устойчивое, вечное, неподвижное, всегда тождественное самому себе достоверно бытийствует в отличие от чувственного мира становления. Только устойчивое, ставшее бытие есть предмет научного знания, становление же – предмет мнения (тоже в свою очередь изменчивого).

Ранние мифологические и философские идеи обусловили возникновение в философском дискурсе категорий устойчивости и изменчивости, ставшего и становления, определявшие в свою очередь характер понимания мира человеком и его ориентации в этом мире. Таким образом, метафоричность языка современной науки и представление о диалектике устойчивого и изменчивого, понимание изменчивого как нормы, а не досадного недоразумения находят свои истоки в древнейших формах миропонимания.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
2. Гайденок П. П. Эволюция понятия науки (XVII-XVIII вв.). – М., 1980. – С. 252.
3. Гесиод. Полное собрание текстов. Поэмы. Фрагменты / Перевод фрагментов О. П. Цыбенко, вступ. ст. В. Н. Ярхо, комм. О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. (Серия «Античное наследие»). – М.: Лабиринт, 2001.
4. Голан А. Миф и символ. – М., 1994. – С. 33.
5. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. – М., 1987. – С. 174.
6. Древнекитайская философия: В 2 т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 122.
7. Евзлин М. Космогония и ритуал. – М., 1993. – С. 225-226.
8. История античной диалектики. – С. 39.
9. Капра Ф. Дао физики: Общие корни современной физики и восточного мистицизма / Перев. с англ. – М.: ООО Изд-во «София», 2008. – С. 29.
10. Керлот Х. Э. Словарь символов. – М., 1994. – С. 116.
11. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М., 1991. – Т. 2. – С. 681.

12. Платон. Тимей // Платон. Собр. соч.: В 4 т. – М., 1994. – Т. 3. – С. 435.
13. Платон. Филеб // Платон. Собр. соч.: В 4 т. – М., 1994. – Т. 3. – С. 24.
14. Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. – Т. 1. Чары Платона. – М., 1992. – С. 42.
15. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 397.
16. Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М., 1988. – С. 55.
17. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. (От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики). – М., 1989.
18. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. – М., 1978. – С. 309.
19. Элиаде М. Священное и мирское. – М., 1994. – С. 53-55.

Рецензенты:

Максименко Л.А., д.филос.н., зав. кафедрой философии ОмГМА, г. Омск.

Зенец Н.Г., д.филос.н., доцент кафедры философии ОмГМА, г. Омск.